

Письма с фронта как документ военной эпохи

Ольга Маркова*

Настоящая статья посвящена изучению структуры военного опыта, который находит свое отражение в нарративном жанре личных писем военнослужащих своим родным. Письма с фронта — не просто факт участия в войне, это целое явление истории, которое позволяет понять человека на войне и человека в тылу. В работе рассмотрено, что включает в себя военный опыт и как фигурирует в отдельных пережитых и описанных соответствующим образом событиях. С помощью нарративного анализа выделены основные структурообразующие элементы письма, т. е. доминантные темы — отношение к собственной жизни, отношение к войне, образ врага и образ Родины, повседневные практики, солдатский фатализм и т. д. Изучение документов личного характера помогает понять многие аспекты фронтового опыта, переживаемого человеком, который находится в экстремальных условиях вооруженных конфликтов. Отправной точкой исследования стали смещение фокуса интереса историографии, военной социологии и смежных дисциплин с макрособытийной истории на отдельные эпизоды, а также недостаточная исследованность эпистолярных источников как способов нарративизации военного опыта. В какой степени война может быть нарративизируема как событие? Какой образ войны формируется в письме? Какой смысл вкладывает автор в свои письма? Эти и другие вопросы раскрыты в исследовании. Объектом являются индивидуальные нарративы военнослужащих Великой Отечественной войны и Чеченской военной кампании, выраженные в письмах родным и матерям. Анализ структуры военного опыта в сравнительной перспективе выявил изменения субъективных смыслов, которыми наделяют свой опыт участники боевых действий. Идентичность участников Великой Отечественной войны и Чеченской кампании трансформировалась под воздействием разного формата войн, их масштабов и целей в совокупности с различным социально-историческим контекстом. Исследование выполнено на стыке нескольких научных дисциплин, а именно: устной истории, военной социологии, социологии памяти и качественной социологии. Объединение подходов представляет собой залог поступательного развития знания о войне.

Ключевые слова: социология памяти, качественные исследования, нарративный анализ, источники личного происхождения, фронтовые письма, военный опыт

Введение

Одной из задач современной исторической науки и социологии памяти выступает необходимость аккумуляции информации личного происхождения о событиях российской истории XX в. В этом плане фронтовые письма представляют собой уникальный

* Маркова Ольга, магистр социологии, выпускница факультета социальных наук НИУ ВШЭ. osmarkova2015@yandex.ru.

исторический источник, поскольку являются не только документами военной эпохи, но и одним из культурных измерений войны, ставших темой многих научных мероприятий и объектом дискуссии среди отечественных специалистов по поводу становления военно-исторической антропологии в качестве самостоятельной дисциплины (Ермаченко, 2003). Посредством детального изучения фронтовых писем возможно конкретизировать способы формирования памяти о войне в России, а также проследить процесс трансляции и фиксации военных событий в социальной памяти поколений.

Через изучение писем происходит анализ личного отношения субъекта к какому-либо феномену жизни, и в этом случае исследовательский интерес представляют не факты, а «особенности мировоззрения автора документа и той социальной общности, к которой он принадлежит» (Сенявская, 1995, с. 18). В письмах отражены воспоминания и опыт человека, их написавшего. В какой-то мере они схожи с дневниковыми записями, но в отличие от дневников письма имеют своего читателя. Хотя в большинстве случаев мы обладаем незначительной информацией об адресантах и адресатах: письма Великой Отечественной войны подвергались военной цензуре. Цензура в СССР носила в первую очередь идеологический характер, не допускалось оглашения в письмах сведений, составляющих военную тайну, а также пресекались любые намеки на «антисоветскую пропаганду».

Письма не привлекали должного внимания советских специалистов вплоть до 1960-х гг., тогда с поворотом в государственной политике фронтовые письма или послания-треугольники стали для советской пропаганды средством выработки соответствующего отношения к войне и партии. В социальных и гуманитарных науках важное место отводится изучению вопросов касательно фронтовых писем. Какую память они иллюстрируют? Какой образ войны формируется в письме? Как используют эти письма те или иные агенты для формирования образа войны? Современная социология обращается к письмам и уже признала их в качестве полезного источника данных.

В представленном исследовании вводится уникальный региональный материал в существующий корпус исследований по проблематике памяти о Великой Отечественной войне и Чеченских кампаниях. В работе использовалась источниковая база по фронтовым письмам в виде документального сборника ««Я пока жив...» (Фронтовые письма 1941–1945 гг.)», выпущенного нижегородским Комитетом по делам архивов Нижегородской области, и оригинальные письма родным с войн в Чечне, находящиеся в архиве Нижегородского областного комитета солдатских матерей (НОКСМ).

Рассматриваемые войны — Великая Отечественная война и Чеченские кампании — разделены не только временем, но и разнообразными политическими катаклизмами, сменой идеологий и сменой поколений. Период Великой Отечественной войны — это время войны, охватившей все общество, мобилизовавшее всех ее членов, а Чеченская кампания представляет собой локальные войны, все общество не затронувшие. Чеченский конфликт никогда не считался войной, официально он назывался контртеррористической операцией. Между тем последствия этой операции оказались негативными для России, так как война распространилась в воинские части по всей стране, положив начало «чеченскому синдрому». Если говорить о сегодняшнем положении ветеранов чеченских войн, то очевидно, что они несут за собой шлейф другой страницы истории. С уверенностью можно сказать, что трудности Великой Отечественной войны оставили неизгладимый след в памяти ветеранов, но при этом подобное воспоминание включает в себя позитивный аспект, в основе которого — чувство сопричастности к грандиозной героической победе. Воспоминания участников гражданских войн подобный аспект в себя не включают. Согласно данным опроса «Левады-Центра», Первая Чеченская война (1994–1996 гг.) и Вторая чеченская война (1999–2009 гг.) признаются населением страны как «несправедливые» войны (Гудков, 2001). Память воевавших в Чечне остается малоизученной.

Для того чтобы изучить общие и особенные черты конвертируемого военного опыта в нарративном жанре личного письма, было решено обратиться к нарративному анализу. Целью исследования является проследить направление движения социального смысла во временной перспективе и ответить на вопрос, что изменилось в социальном опыте индивидов — участников фронтов Великой Отечественной войны и Чеченских кампаний.

Изучение комплекса фронтовых писем жителей Нижнего Новгорода позволит существенно увеличить область исследований истории Великой Отечественной войны и Чеченских событий, обогатить сведения о рассматриваемых войнах с помощью регионального исторического материала. Данное исследование может принести вклад в отечественную военную социологию, социологию памяти и качественную социологию.

Проблематика памяти в социальных науках

Феномен памяти получил в настоящее время большую популярность в социальных и гуманитарных науках. Если раньше изучение памяти было прерогативой индивидуальной психологии, то благодаря работам таких ученых, как Морис Хальбвакс (Хальбвакс, 2007), Джеффри Олик (Olick, Robbins, 1998), Поль Рикёр (Рикёр, 2004), Ян Ассман (Ассман, 2004), Пьер Нора (Нора, 1992), память стала объектом социологического анализа.

Эмиль Дюркгейм писал о том, что для поддержания стабильности общества, установления солидарности между его членами и исторической преемственности группа должна производить отбор событий среди своего прошлого: определенным образом помнить одни вещи, а другие вещи — предавать организованному забвению. «Общество нуждается в определенной степени не только интеллектуального и эмоционального конформизма своих членов, но и “конформизма мемориального”» (Васильев, 2009, с. 57). В 1925 г. представитель социологической школы Дюркгейма М. Хальбвакс выпускает книгу «Социальные рамки памяти», в которой вводит термин «социальная память» и доказывает социальную обусловленность памяти. Память группы всегда коллективна, по его мнению, поскольку человек находится внутри определенного сообщества, группы, семьи. Память создается в каждом отдельном индивиде благодаря его участию в процессах коммуникации.

Тема памяти закрепилась не только в академическом дискурсе, но и в сфере общественной жизни, внутренней и внешней политики государства. По словам А. Васильева, «память» стала лозунгом нашей эпохи (Васильев, 2012). Тем, что французский историк П. Нора назвал «эрой коммеморации». В поле коллективного измерения памяти функционируют такие категории, как коммуникативная память, социальная память, культурная память, историческая память, этносоциальная память, народная память, официальная память, публичная память и т. д.

Особое значение в разрезе представленной работы имеют идеи немецкого исследователя Я. Ассмана о том, что коллективная память обладает ценной значимостью для общества, так как в образах памяти скрыты важные смыслы (Ассман, 2004). Культурная память создается социальными институтами и находит свое выражение в культурных формах и символических конструктах, каждый из которых фиксирует тот или иной взгляд на прошлое. Понятие культурной памяти стали применять в тот момент, когда была осознана важность использования при рассмотрении исторических событий не только официальных документов, но и других источников информации. К таким источникам относятся документы личного характера, устные свидетельства очевидцев событий и неофициальные документы, поскольку в них содержится неофициальный взгляд на историю. Культурная память стала залогом поддержания идентичности, механизмом

конструирования настоящего и будущего, способом адаптации и социализации (Рождественская, Семенова, 2011, с. 31).

Изучение памяти о войне неразрывно связано с рассмотрением военного опыта с разных теоретических и методологических перспектив. Релевантными данному исследованию являются работы авторства российского историка Е. С. Сенявской: «1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование» (Сенявская, 1995), «Человек на войне. Историко-психологические очерки» (Сенявская, 1997) и «Психология войны в XX веке: исторический опыт России» (Сенявская, 1999). Главная тема монографий — психология комбатантов в основных военных конфликтах в XX веке.

Фронтовые письма: объект репрезентации войны

Изучение личных документов относится к качественным методам социологии. Впервые систематически использовать личные документы в своей работе начали представители Чикагской социологической школы в начале XX в. (Батыгин, 1995, с. 18). Ключевым исследованием для этого направления в частности и качественного подхода в целом считается работа У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» (Thomas, Znaniecki, 1958).

Обращение к письмам с войны в нашей стране пришлось на вторую половину XX в. До этого историческая наука интересовалась либо глобальными явлениями: непосредственно военные сражения на фронте, причины возникновения войн, военная и хозяйственная политика страны, дипломатические отношения и т. д. Либо обзоревались, наоборот, узкие темы: вклад оборонной отрасли в победу. Письма не попадали и в поле зрения социологов. Первые социологические исследования войны были эмпирическими и заключались в проведении массовых опросов. С 1960-х гг. ситуация изменилась, и письма привлекли заслуженное внимание и тех и других представителей научных дисциплин. Стало ясно, что источником информации в письмах служит память, накапливающая человеческий опыт.

Социологи используют письма для анализа военной повседневности. Эти письма могут не дать сведений о соотношении сил, о боевом обеспечении и т. д., однако предоставляют большой объем информации, позволяющий судить о настроениях и психологии человека на войне. А. А. Курносов одним из первых предложил метод для анализа источников личного происхождения (Курносов, 1965). Суть метода заключается в выявлении особенностей содержания и происхождения самого текста, логическом анализе тематических отрывков текста.

Изучение работ по анализу военной повседневности Т. А. Булыгиной (Булыгина, 2005), А. Ю. Иванова (Иванов, 2008), Р. Б. Садыковой (Садыкова, 2011) позволило выделить методологические принципы и способы организации работы с эпистолярными источниками.

Методологические основы нарративного анализа

Метод нарративного анализа широко применяется при исследовании биографий, анализе интервью и других данных, собранных качественными методами. Возможности практического применения нарративного анализа рассматриваются И. В. Троцук, С. Н. Зенкиным, В. В. Семеновой, Е. Р. Ярской-Смирновой и т. д.

Нарратив репрезентирует опыт рассказчика и отражает его отношение к окружающему миру. Е. Р. Ярская-Смирнова приводит одну из дефиниций нарратива в социологии: это «разговор, специально организованный вокруг последовательных событий» (Ярская-Смирнова, 1997, с. 39).

Наиболее строгие рамки для обозначения нарратива были предложены в структурном подходе В. Лабовым (Labov, 2001). По версии Лабова, нарративы облают рядом формальных свойств. «Полный нарратив» включает в себя следующие обязательные элементы: 1) тезисы (включение нарратива в разговор); 2) ориентацию (ориентирование слушателя на время, место, действующих акторов и саму ситуацию); 3) последовательность действий (темпоральное усложнение нарратива); 4) оценку (смысл действия, оценка этого действия рассказчиком); 5) разрешение (что случилось в конце); 6) коду (отнесение нарратива к настоящему времени).

Таким образом, нарративный анализ предполагает, во-первых, указание рамочного фрейма, в котором строился нарратив. Во-вторых, происходит установление событийной логики: выстраивается последовательность событий и обнаруживается их взаимосвязь. Под нарративом в данном исследовании понимается текст повествования вкупе с определенным контекстом: позиция пишущего, конкретная ситуация рассказывания, присутствие читателя, целый комплекс социальных, исторических и политических условий. То, что человек выбрал из всего своего опыта именно этот эпизод, подтверждает его значимость для него.

Реконструкция военного опыта из нарративного жанра личного письма времен Великой Отечественной войны

Эпистолярное сообщение выступает частью фронтового опыта и занимает прочное место в системе фронтовой жизни. Письма для солдата становятся не просто источником информации и новостей из дома, а связующей нитью с домом, родными и прежней жизнью, из которой они были «выдернуты». Поэтому для солдат важен сам процесс написания письма домой, поскольку он делал возможным ощутить себя в довоенной жизни. «Главным фактором сохранения человека как существа культурного представляется контакт с его культурной средой. Полноценный информационный обмен есть главный якорь культуры» (Банников, 2002).

Все элементы фронтового опыта в эпистолярном тексте выстраиваются в определенную последовательность и становятся связанными в единой структуре нарратива. В качестве примера приведем отрывок из письма с места сражения времен ВОВ: *«Я видел смерть — страшную смерть, всеистребляющую — и чем ближе она была около меня, тем сильнее горела в моем сердце любовь. Я шел по обугленным улицам сел и городов, видел сожженные трупы стариков, и женщин, и маленьких детей, — а любовь все сильнее разгоралась к тем, кто остался дома»* (Из письма Горохова Ивана Самсоновича от 7 июня 1942 г.)¹. Видно, как переплетаются в эпистолярном повествовании такие образы войны, как смерть, страх, ужас, насилие и другие ее составляющие, такие как желание быть с родными, стремление скорее оказаться дома, любовь к близким.

Коды, формирующие структуру смыслового пространства, могут быть отнесены к трем большим уровням: описательный, оценочный и коммуникативный. Описательный уровень содержит в себе факты и сведения: сухие и лишённые эмоциональности и каких-либо оценок. Оценочный уровень характеризует ценностную сторону сообщения. Сюда включены чувства, переживания, оценочные суждения, придаваемые смыслы и значения. Также любое сообщение имеет коммуникативную сторону, выраженную в виде посланий, наказов, советов домашним, осведомление об их жизни и проблемах. Именно через коммуникативную сторону письма создается эффект присутствия адресанта рядом с близкими.

Описательный уровень можно разделить еще на три подуровня. Первый — это созерцательный, который включает в себя текущую информацию в момент написания

¹ В приводимых в статье цитатах сохранена авторская орфография и пунктуация.

письма. Это часть в письме, в которой адресант сообщает, что он делает во время написания письма. Что он видит, где он находится, что его окружает, какая погода за окном, каковы условия, при которых пишется письмо.

«Прилетели скворцы, поют свои песни на деревьях, против окон, и, вероятно, удивляются изменениям во внешнем окружающем их мире» (Из письма Климова Анатолия Николаевича от 8 апреля 1942 г.).

Второй подуровень в структуре — информативный, содержит описания фронтового быта. Военнослужащие пишут об устройстве жилья, о питании, об обмундировании и снаряжении, о санитарно-гигиенических условиях и медицинском обслуживании: *«Сегодня мылся в хорошей бане, прожарили белье, это на этой неделе 2-й раз. Вообще, мы держим себя чистоплотно» (Из письма Страхова Сергея Ивановича от 10 августа 1944 г.).*

Принципиальное значение имеют сведения о получаемых деньгах, потому что служащие беспокоятся о своей семье, которая осталась дома, и высылают им часть средств или просят семью, наоборот, не присылать денег им на фронт: *«Зина, с 1 мая по старым аттестатам деньги платить не будут, так я тебе выслал новый аттестат только на 600 руб., хотел на большую сумму, но больше 50% аттестат не выписывают. Я получаю 1200 руб., буду досылать переводами, деньги мне здесь и на фронте не нужны, питаемся мы хорошо» (Из письма Колосова Алексея Федоровича от 8 апреля 1943 г.).*

Сюда же входят подробности служебных обязанностей и выполняемых боевых задач: *«А вчера ночью я со своими боевыми товарищами почти подходил вплотную к фрицам и, конечно, всыпали им... Обороняем город С.» (Из письма Шадрина Ивана Петровича от 5–7 января 1943 г.).*

Немаловажное место в письме отводится описанию выдавшихся моментов досуга и отдыха: *«Полтора месяца я в новой части, впервые с ними встречала праздник — 26-ю годовщину Красной Армии. Встретили хорошо, только в этот день была не в настроении, напилась и ушла спать. Наш повар не спал — готовили пирожки, водки было сколько угодно. Вечер был устроен силами бойцов. Ставили несколько отрывков из пьес: “Таланты из глубин”, “Свадьба в малиновке”, был баян, а баянист плохой, только учится, сию и мне уши режет. А вот сегодня к нам приезжает фронтовой ансамбль, хочется, чтобы скорей приезжали, соскучилась по музыке» (Из письма Козьминой Лидии, учащейся Горьковского музыкального училища, от 27 февраля 1944 г.).*

Третий подуровень описания — событийный. Событие, ядро эпистолярной структуры, становится поводом для написания письма. Здесь в результате кодирования были выявлены следующие аспекты фронтового опыта:

1. Сообщаемое событие (факт).
2. Место сообщаемого события (*«В настоящее время находимся в Польше»*).
3. Время сообщаемого события (*«В ночь на 25-е число был случай, так что чуть Богу душу не отдал»*).
4. Последовательность действий (*«Сидел, занимался, и вот около 2 часов начался обстрел, слышу, снаряды летят очень близко...»*).
5. Участники событий (*«Я кричу друзьям, которые спали на кровати...»*).
6. Авторская рефлексия по поводу произошедшего события.

Приведем пример нарратива из письма Лыщина Константина Павловича от 24 февраля 1945 г., разобранный по схеме Лабова (Т – тезисы или резюме текста, ОС — ориентирование слушателя, КД — комплекс действий, О — оценка, Р — разрешение ситуации):

1. *Первым сообщаю, что я в настоящий момент жив и здоров, нахожусь на кратковременном отдыхе в одном из фрицевских лесов.*
2. *Из боя вернулся невредимым (ОС)*
3. *(из того боя, перед которым послал я вам письмо), (ОС)*

4. но судьба чуть надо мной не подшутила. (О)
5. Кратко опишу.
6. На нашем участке (ОС)
7. подлые фрицы (О)
8. перешли в контратаку, (КД)
9. и мы, с целью стратегических соображений, (ОС)
10. отступили на несколько метров. (КД)
11. При падении вражеской мины было ранено несколько человек (КД)
12. моих товарищей, (О)
13. а мое сердце, сердце, наполненное кровью родителей, не позволило бросить их на произвол судьбы. (Т)
14. Нас было трое нераненых, (ОС)
15. мы решили спасти этих товарищей, (Т)
16. посадили их в подвал, (КД)
17. а сами, рискуя жизнью, с автоматом и гранатой в руках встали на их защиту. (Т)
18. Оголтелье фрицы (О)
19. кричали нам: «Хандэ хох! (руки вверх). Русь сдавайсь». (КД)
20. Они два раза зажигали наш дом, (КД)
21. в котором мы находились, (ОС)
22. но их авантюра провалилась. (Т)
23. В самую трудную минуту мы только лишь оставили по одному патрону для себя, (КД)
24. а остальными косили фрицев. (КД)
25. Но надежда на спасение была, и она оправдалась. (Т)
26. Наши лихие танкисты спасли нас и наших 8 человек раненых. (Р)
27. Они завидовали нам, но дело не в том — мы выполнили долг перед родиной, мы спасли таких же, как и я, мы спасли своих братьев. Конечно, в долгу перед нами не остался никто. (О)
28. Буду жив, на днях получаю орден Славы. (О)
29. Вот коротенько о моих эпизодах, а они бывают нередко.

Здесь поводом для письма становится не просто очередное сражение, а следствие этого сражения, в результате которого автор письма, проявив мужество и героизм, встал на защиту своих товарищей. Главной мыслью становится готовность спасения своих сослуживцев, пусть даже ценой своей жизни. В этом фрагменте отчетливо видно лексическое противопоставление «своих» и «чужих», которое отражает мнение и сложившиеся в голове автора образы. Так, солдаты вражеской армии называются «подлыми фрицами», «оголтельными фрицами». Среди советских солдат, «товарищей» и «братьев», существовала взаимовыручка, на помощь пришли танкисты, что и предопределило счастливый исход события. Хотя Лыщин и пишет про судьбу и про надежду, но строки «Конечно, в долгу перед нами не остался никто» обнаруживают несколько прагматичную установку: сегодня помог я, завтра — помогут мне. «Мы спасли таких же, как и я». Автора строк берет гордость за отданный долг перед Родиной, и Родина не оставила без внимания этот поступок, наградив его орденом Славы.

Оценочный уровень эпистолярного сообщения состоит из авторских оценок, из описаний его чувств и переживаний, а также отражает ценностное восприятие участника войны. Иногда рассказ о событии позволяет адресанту выйти на этот уровень.

«Даже когда перешагивал труп, я думал, что я должен за него отомстить, и еще пуще вскипала ненависть к врагу. Вот недавно я прочитал статью в газете. Одна английская леди просит нас милосерднее отнестись к немцам. Ты знаешь, что я раньше боялся заколоть курицу и даже жалел ее. Помнишь котенка в Крутом, которого я кормил, а детей,

я ведь всех детей люблю, и конечно, никогда не буду убивать ребенка даже самого ярого врага, а немца как увижу убитого — радуюсь и с удовольствием стреляю в них. Я уже тебе писал несколько таких случаев, где приходилось почти в упор стрелять. Вот как изменяет жизнь человека. Конечно, в основном-то я и остался таким, каким был, а вот ненависти к немцам прибавилось в сто раз» (Из письма Страхова Сергея Ивановича от 12 ноября 1944 г.).

Фронтовые письма с Великой Отечественной войны больше насыщены впечатлениями от боевых операций, а содержательной информации по поводу размещения войск или числа командного состава в них не обнаружишь. Каждое письмо с Великой Отечественной войны, за редким исключением, содержит представления автора о действиях противника. Представление о враге носит крайне негативный характер в письмах с ВОВ: «это такие людоеды», «фашистских гадов». Описание «зверств», которые совершает противник, приводятся для оправдания применения насильственных действий, которые очевидно не вписываются в сознание непрофессиональных военных. Именно через выразительное изображение увиденных своими глазами результатов действий вражеской армии и пройденных боевых заданий излагается фронтовой опыт с задействованием режима оправдания.

Реконструкция военного опыта из нарративного жанра личного письма времен Чеченских кампаний

При анализе писем с Чеченских кампаний были выделены практически те же категории, что и в письмах с Великой Отечественной войны, поскольку описание военного опыта опирается на такие же важные конструкты. Конечно, есть и исключения. Письмо из Чечни, как и любое другое письмо, открыто для интерпретации. Адресант конструирует выражения таким образом, чтобы его читателю впоследствии было понятно, что скрывается за строками письма. Можно сказать, что он предлагает читателю вариант прочтения текста и понимание заложенного в него смысла.

Здесь также можно выделить коммуникативную, описательную (содержательную) и оценочную стороны сообщений.

Коммуникативный аспект в большинстве писем выражен в сообщениях касательно того, сколько было получено писем и когда, была ли получена посылка, а также просьбами привезти что-то еще из необходимого. Письма из Чечни являют двоякую картину. С одной стороны, встречаются послания, где есть описания службы, боевых задач и проведенных операций. С другой стороны, есть письма, состоящие из вопросов домашним, пожеланий, поздравлений. К примеру, в письмах Притыки Владимира Васильевича, участника Первой Чеченской кампании, информация о себе сводится к устойчивым выражениям типа «жив, здоров, чего и вам желаю». Остальное пространство в письмах занято под личную переписку и «разговор» со своей женой, раскрывающий подробности их взаимоотношений. Очевидно, что автор не хотел расстраивать жену и дочь, поэтому, выбрав стратегию умолчания, не делился с ними своими переживаниями относительно феномена войны.

Письма домой проходили тщательную фильтрацию, поскольку военнослужащие стремились успокоить родителей и родных. Особенно эта черта преобладает в письмах солдат, которые добровольно пошли служить. Чаще всего в таких письмах война находит отражение в своем официальном дискурсе, тогда неформальный дискурс сведен до минимума.

«Как вы уже наверное слышали по телевизору, война закончилась. Грозный мы взяли, точнее половина Грозного. Наш полк шол до площади «Минутка», я думаю про нее тоже слышали. Из Грозного нас вывели в населенный пункт Ханкала, там разбили

лагерь, жили в палатках, отдыхали, баня и т.д.» (Из письма Давыдова Александра, участника Второй чеченской кампании, от 27 февраля 2000 г.).

Разбирая содержание письменных источников, можно проследить тенденцию, как в положительную сторону меняется отношение солдата к своим родным — матерям, женам. Особенно показательна в этом отношении переписка с матерью военнослужащего Алексеева: *«Я тебя очень люблю!!! Извини, что я тебя бил, но я тоже не мог терпеть тебя в нетрезвом состоянии. Крепко целую и обнимаю. Твой любимый сын Сергей» (Из письма Алексеева Сергея Александровича, участника Второй Чеченской кампании. Письмо не датировано).*

Четыре письма от Алексеева, которые находятся в нашем доступе, представляют собой свидетельства постепенного изменения отношения сына к матери в силу сложившихся обстоятельств. В одном из писем он пишет, что кроме как от мамы и бабушки он больше не получал ни от кого писем.

В содержательной части письма событийность уступает место информативности. Размываются границы события. К нему трудно применить Лабовскую структуру (Т — тезисы, ОС — ориентирование слушателя, КД — комплекс действий, О — оценка, Р — разрешение ситуации). Приведем пример письма с Первой чеченской войны Никонова Андрея Владимировича от 25 декабря 1995 г.:

1. Ну что вам написать о Чечне? (Т)
2. Я не хочу вас пугать, поэтому напишу немного. Не верьте тому, кто скажет вам, что война в Чечне закончилась. Она как раз только начинается. У нас очень часто бывают боевые тревоги, днем и ночью. Тревога может быть по малейшей стрельбе, а стреляют здесь каждую минуту. Днем и ночью.
3. Недавно ранили двоих наших бойцов и одного убили. (Т)
4. А случилось это днем. (ОС)
5. Когда 4 чеченские снайпера засели на деревьях (КД)
6. и их никто не видел. (ОС)
7. И даже не слышали (ОС)
8. когда они отстреливали (КД)
9. наших как собак. (О)
10. А только видели (ОС)
11. как наши парни падали истекая кровью. (Т)
12. Это конечно не описать словами, это надо видеть.
13. Здесь гибнут хорошие парни, которых так не хватает на гражданке. Которые в свои 19 лет видели смерть, ощущали страх, видели море крови, которые в 19 лет испытали все в своей жизни. И все, что они видели, им будет снится после армии очень долго. И тот кто выживет в этой войне — крепкие и очень сильные парни. И не дай бог ктонибудь меня упрекнет Чечней на гражданке. Я разорву его, в прямом смысле этого слова. (О)
14. Как Маринка учится?...

Данный отрывок явно демонстрирует, какое негативное влияние война оказывает на психику человека. Невозможность что-то изменить и осознание собственного бессилия порождают фрустрацию и, как следствие, озлобленность. Травмирующие воздействия военных действий могут стать следствием посттравматического стрессового расстройства. Особенно значительными последствия становятся в фокусе «кризиса ценностей» в стране. Будучи на фронте, автор письма уже опасается сформированных негативных представлений о нем, как участнике этой войны, в сознании общества.

Оценочная сторона сообщения выражена в эпизодах, демонстрирующих отношение военнослужащих к конкретным аспектам их жизни. В общем, в данном случае элементы семантического пространства сообщения не отличаются резко в письмах с разных войн.

В текстах писем присутствуют рефлексия авторов, направленная на социальную среду, в которой они оказались, переживания по поводу изоляции от родных и близких, страх перед войной, мучительное ожидание срока замены и осознание бессмысленности военных действий, характерное только для служивших в Чечне. Повторяющейся темой является изображение природы и погоды. Примечательно, что описание погоды служит дополнительным маркером распознавания настроения у солдата. По тону письма зачастую можно уже догадаться, в каком свете будут отражены упоминания погодных условий и обстановки — «*погода стоит хорошая, солнечная*» или «*погода здесь стоит плохая, грязь по колено*».

Главное отличие писем из Чечни от писем с ВОВ — это преуменьшение значимости любых событий (в том числе негативных) и своего факта нахождения в местах боевых действий (в большинстве писем): «*Служу я сейчас в республике Чечня, но сразу спешу успокоить, что у меня все в порядке. Срок службы здесь идет день за два, считай пол года отслужу здесь приеду в дивизию и еще три месяца и домой. Да и денег заработаю, а деньги не малые. Не знаю, что писать да и дойдет ли это письмо, одним словом как приеду мам, сядем и я Вам расскажу. Немного расскажу о природе и местном климате...*» (Из письма Лемзякова Александра, участника Второй чеченской кампании. Письмо не датировано).

Конечно, встречаются и другие источники, где явно прослеживаются негативный опыт и упадок духа солдата вследствие войны. Особенно показательными в этом отношении стали письма военнослужащего Алексей Чиркина, погибшего в 1996 г. Письма стали доступны для публичного прочтения и были опубликованы в газете «Нижегородская Правда» 18 мая 1996 г. Их принес в редакцию отец Алексея — «чтобы люди узнали правду об этой войне». Одно из ограничений этого исследования состоит в том, что в силу ограниченного эмпирического материала мы не можем проследить в динамике трансформации смыслов. А письма Чиркина играют огромную роль для изучения жизни солдата в условиях той войны, поскольку дают представление не только о бытовых моментах, но и позволяют проследить, как видоизменяется моральное и психологическое состояние человека от начала службы к ее завершению.

Читаем в первом письме: «*Хожу на пост, следим за мостом. Окопались, вырыли землянку, установили пулемет и сидим. Совсем, как дома, на заводе — неделю в день, неделю в ночь. Снайпера заколебали уже. Но убитых нет пока. Короче, у меня все отлично, жив, здоров, сыт*» (Из письма Чиркина Алексея, участника Первой чеченской войны. Письмо не датировано).

Спустя три месяца: «*Да еще колонну тут расстреляли, много убитых. Но это не наши, хотя и такие же пацаны. Прошел еще один месяц, все ближе становится к дому и все чаще сны про дом. И все больше и больше надоедает эта война*» (Из письма Чиркина Алексея, участника Первой чеченской войны, от 31 января 1996 г.).

И выдержки из последнего письма: «*Ждем, когда нас отсюда увезут. А поэтому я никуда не лезу. Мне эта война уже по горло надоела. Я хочу домой...*» (Из письма Чиркина Алексея, участника Первой чеченской войны, от 27 марта 1996 г.).

Письма с фронта могут стать дополнительным подтверждением или опровержением определенной версии памяти о войне. Так, письма Чиркина открывают неприглядную сторону войны, и здесь ключевое значение приобретет контекст, в который помещаются эти письма. Первая чеченская война началась в непростой период, когда население было деморализовано экономическими трудностями и политической нестабильностью, отношение к войне было в СМИ неоднозначным и, скорее, негативным.

Другим важным отличием писем из Чечни является наличие отличного от советской традиции взгляда на войну, лишённого патетического изображения и героизированного дискурса. В эпистолярных посланиях не встретишь восторженных речей о скорейшей

победе, патриотических лозунгов и наполненных гордостью похвал храбрости и стойкости «нашего» человека на войне. Здесь сыграла свою роль цензура и самоцензура, а также политическая конъюнктура. Вера в неизбежную победу доминирует практически во всех посланиях в 1941–1945 гг. В то же время в письмах из Чечни отчетливо прослеживается тревога, растерянность комбатантов, обреченность и даже отсутствие ясного понимания смысла происходящего.

Способы нарративизации войны

Е. Ю. Рождественской был выделен ряд нарративных конструкций, типичных для рядового состава ветеранов и для профессиональных военных (Rozhdestvenskaya, 2016). В представленном анализе также была предпринята попытка определить формы нарративизации войны. Так, война в письмах фронтовиков может быть нарративизируема несколькими способами.

Во-первых, это отсутствие рассказа о войне, тогда письмо обладает исключительно коммуникативными функциями. Конкретное письмо становится важным для автора в качестве связующей нити с домом и прежним социальным окружением. О войне говорить не хочется или не получается, поскольку в таком случае наружу выходит тревожно-растерянное состояние бойца, что беспокоит родных и может угрожать его собственной идентичности и психике. Значимость письма также выражается в установлении зависимости информационного содержания текста от подтекста эпистолярного послания. Заложенный автором в письмо смысл заключается в признании ценности того, что может быть понятным исключительно адресату.

Во-вторых, война может быть нарративизируема как опыт службы. Смысловыми единицами эпистолярного сообщения становятся повседневные практики в военное время, фронтовой быт, окружающая обстановка, климатические условия, сведения о боевых задачах и выпавших трудностях. Письмо носит фактическую или информационную функцию.

В-третьих, война может быть нарративизируема как коллекция эпизодов военных действий и случаев из фронтовой повседневности (факты ранения; убийство солдат вражеской армии; свидетельства гибели товарищей, противников или мирного населения; факт нахождения в плену). Письмо солдат приобретает универсальные свойства нарративной структуры с изложением хода событий и их развитием (начало, развертывание и окончание).

В-четвертых, война может быть нарративизируема как опыт карьеры или достижений. В этом случае адресант делает акцент на упоминании проявления мужества и отваги в боях, в результате чего им было получено повышение или правительственная награда. В письме рассказчик занимается самопрезентацией и самораскрытием.

Наконец, война может приобретать форму нарратива, в котором функционирует в качестве способа понимания себя и других во взаимосвязи, таким образом, человек поднимается на уровень осмысления собственной жизни. Так, война представляет собой обучающий опыт и помогает индивиду встраиваться в социокультурную реальность

Заключение

Изучение фронтовых писем позволяет понять многие аспекты военного опыта, переживаемого военнослужащими: собственно военный опыт, повседневные практики, личное отношение к войне и т. д. В статье отражено смещение фокуса интереса социологии и смежных дисциплин с макрособытийной истории на ситуативные проявления, отдельные эпизоды и факты. Увидеть войну «изнутри», с позиции ее непосредственных

участников возможно через «погружение» в документы личного характера (письма, дневники, воспоминания, биографии участников). Фронтовое письмо выступает свидетельством времени, эпистолярным памятником эпохи, а также — уникальным феноменом отечественной письменной культуры военного времени.

Нарративизация войны может приобретать разнообразные формы. Выделенные в ходе анализа уровни семантического пространства письма применимы как к письмам с Великой Отечественной войны, так и к чеченским письмам. В письмах с ВОВ структура нарратива накладывается на повествование, в письмах из Чечни событийность уступает место информативности. Нарративы, повествующие о военном опыте, могут иметь довольно размытые границы (вступление, развитие действия, заключение), и в них зачастую отсутствуют кульминация и резолюция.

Война в письмах фронтовиков нарративизируется несколькими способами: 1) как опыт службы; 2) как коллекция эпизодов военных действий и случаев из фронтовой повседневности; 3) как опыт карьеры или достижений; 4) как обучающий опыт. Во всех этих случаях война упоминаема и рассказываема. В письме может отсутствовать информация о военной повседневности и фронтовом опыте. Тогда на первый план выходит коммуникативная сторона эпистолярного сообщения.

Письма в условиях войны отличаются от писем в мирное время, а также они различаются в период Великой Отечественной войны и Чеченских кампаний. Неодинаковые предпосылки к началу военных действий и условия, при которых они протекали, разные мотивы и масштабы наложили своеобразный отпечаток на участвующих в них бойцов. То, какую форму принимает военный опыт в личном письме военнослужащего, напрямую свидетельствует о том, какой смысл автор вкладывает в письмо.

Литература

- Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Банников К. Л. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения военнослужащих срочной службы Российской Армии. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002.
- Батыгин Г. С. Лекции по методологии социологических исследований: уч. для студентов гуманитарных вузов и аспирантов. М.: Аспект Пресс, 1995.
- Булыгина Т. А. Письма с фронта как источник истории повседневности в годы Великой Отечественной войны // Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях / Под ред. Т. А. Булыгиной. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. С. 530–540.
- Васильев А. Г. Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия // Фундаментальные проблемы культурологии: сб. статей по материалам конгресса / Под ред. Д. Л. Спивак. М.: Новый хронограф; Эйдос, 2009. С. 56–68.
- Васильев А. Г. Memory studies: единство парадигмы — многообразие объектов (Обзор англоязычных книг по истории памяти) // Новое литературное обозрение. 2012. № 117. С. 461–480.
- Гудков Л. Д. Чеченская война и развалившееся «мы». Ст. 2: К антропологии «зрителя» чеченской войны // Неприкосновенный запас. 2001. № 2 (16). С. 31–47.
- Ермаченко И. О. Война и мир: взаимодействие культурных контекстов // Новое литературное обозрение. 2003. № 64. С. 424–431.
- Иванов А. Ю. Анализ фронтовых писем периода Великой отечественной войны в свете инновационных источниковедческих подходов // Вестник Чувашского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 4. С. 37–41.
- Курносков А. А. Источники по истории народного сопротивления в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1945 гг. // История СССР. 1965. № 3. С. 35–45.
- Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / Под ред. П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. С. 17–50.

- Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004.
- Рождественская Е. Ю., Семенова В. В. Социальная память как объект социологического изучения // ИНТЕРакция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2011. № 6. С. 27–48.
- Садыкова Р. Б. Человек на войне: солдатские письма // Роль личности в истории: реальность и проблемы изучения: науч. сб. (по материалам 1-й Международной научно-практической Интернет-конференции) / Под ред. В. Н. Сидорцова. Минск: БГУ, 2011. С. 29–34.
- Сенявская Е. С. 1941–1945. Фронтное поколение. Историко-психологическое исследование. М.: Ин-т российской истории РАН, 1995.
- Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Ин-т российской истории РАН, 1997.
- Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: Российская политическая энциклопедия, 1999.
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.
- Ярская-Смирнова Е. Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 38–61.
- Labov W. Uncovering the event structure of narrative. Georgetown: Georgetown University Press, 2001.
- Olick J. K., Robbins J. Social memory studies: from “collective memory” to the historical sociology of mnemonic practices // Annual Review of Sociology. 1998. № 24. P. 105–140.
- Rozhdestvenskaya E. Y. Afghan veterans: resonance of memory // Collective memories in war / Ed. by E. Rozhdestvenskaya, V. Semenova, I. Tartakovskaya, K. Kosela. London: Routledge, 2016. P. 139–151.
- Thomas W., Znaniecki F. The polish peasant in Europe and America: monograph of an immigrant group. Boston: Richard G. Badger; The Gorham Press, 1918.

References

- Assmann J. (2004) *Kulturnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kulturah drevnosti* [Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination], Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury.
- Bannikov K. (2002) *Antropologiya ehkstremalnykh grupp. Dominantnye otnosheniya voennoslužhashchikh srochnoy služby Rossiyskoy Armii* [Anthropology of Extreme Groups. The Dominant Attitude in the Russian Army], Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN.
- Batygin. G. (1995) *Leksii po metodologii sotsiologicheskikh issledovaniy: uchebnyk dlya studentov gumanitarnykh vuzov i aspirantov* [Lectures Note on the Methodology of Sociological Research: Textbook for Students and PhD], Moscow: Aspekt Press.
- Bulygina T. (2005) Pis'ma s fronta kak istochnik istorii povsednevnosti v gody Velikoy Otechestvennoy vojny [Letters from the Front as Sources of History of Everyday Life during the Great Patriotic War]. *Stavropol'e: pravda voennykh let. Velikaya Otechestvennaya v dokumentakh i issledovaniyakh* [Stavropol: the Truth of the War. The Great Patriotic War in the Documents and Studies] (eds. T. Bulygina), Stavropol: SGU, pp. 530–540.
- Ermachenko I. (2003) Voyna i mir: vzaimodeystvie kul'turnykh kontekstov [War and Peace: the Interaction of Cultural Contexts]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no 64, pp. 424–431.
- Gudkov L. (2001) Chechenskaya vojna i razvalivsheesya “my”. Stat'ya 2. K antropologii “zritelya” chechenskoj vojny [The War in Chechnya. Article 2. Anthropology of “spectator” of the War in Chechnya]. *Neprikosnovenny zapas*, vol. 16, no 2, pp. 31–47.
- Halbwachs M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamyati* [On collective memory], Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Ivanov A. (2008) Analiz frontovykh pisem perioda Velikoy otechestvennoy vojny v svete innovatsionnykh istochnikovedcheskikh podkhodov [Analysis of Letters from the World War II in the Light of Innovative Approaches]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no 4, pp. C. 37–41.

Kurnosov A. (1965) Istochniki po istorii narodnogo soprotivleniya v tylu nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov 1941–1945 [Sources on the History of Anti-German Soviet Resistance 1941–1945]. *Istoriya SSSR*, no 3, pp. 35–45.

Labov W. (2001) *Uncovering the Event Structure of Narrative*, Georgetown: Georgetown University Press.

Nora P. (1999) Problematika mest pamyati [Realms of Memory]. *Frantsiya — pamyat'* [France — Memory] (eds. P. Nora, M. Ozouf, G. de Puymège, M. Vinok), Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo uiversiteta, pp. 17–50.

Olick J. K., Robbins J. (1998) Social Memory Studies: From “Collective Memory” to the Historical Sociology of Mnemonic Practices. *Annual Review of Sociology*, no 24, p. 105–140.

Riker P. (2004) *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, History, Forgetting], Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury.

Rozhdestvenskaya E. (2016) Afghan Veterans: Resonance of Memory. *Collective Memories in War* (eds. Elena Rozhdestvenskaya, V. Semenova, I. Tartakovskaya, K. Kosela), London: Routledge, pp. 139–151.

Rozhdestvenskaya E., Semenova V. (2011) Sotsial'naya pamyat' kak ob'ekt sotsiologicheskogo izucheniya [Social Memory as Object of Sociological Study]. *INTERaction. INETview. INTERpretation*, no 6, pp. 27–48.

Sadykova R. (2011) Chelovek na voyne: soldatskie pis'ma [Men at War: Soldiers' Letters]. *Rol' lichnosti v istorii: real'nost' i problemy izucheniya: nauch. sb.* [The role of Personality in History, the Reality and the Problems of Study: the Scientific Research Book] (eds. V. Sidortsov), Minsk: BGU, pp. 29–34.

Senyavskaya E. (1995) 1941–1945. *Frontovoe pokolenie. Istoriko-psikhologicheskoe issledovanie* [1941–1945. Front Generation. Historical and Psychological Research], Moscow: Institut rossiyskoy istorii RAN.

Senyavskaya E. (1997) *Chelovek na voyne. Istoriko-psikhologicheskie ocherki* [Men at War. Historical and Psychological Essays], Moscow: Institut rossiyskoy istorii RAN.

Senyavskaya E. (1999) *Psikhologiya voyny v XX veke: istoricheskiy opyt Rossii* [The Psychology of War in the Twentieth Century: the Historical Experience of Russia], Moscow: Rossiyskaya politicheskaya ehntsiklopediya.

Thomas W., Znaniecki F. (1918) *The Polish Peasant in Europe and America: Monograph of an Immigrant Group*, Boston: Richard G. Badger, The Gorham Press.

Vasil'ev A. (2009) Memorializatsiya i zabvenie kak mekhanizmy proizvodstva kul'turnogo edinstva i raznoobraziya [Memorialization and Obliteration as the Mechanisms of Production of Cultural Unity and Diversity]. *Fundamental'nye problemy kul'turologii* [Fundamental Problems of Culturology] (eds. D. Spivak), Moscow: Novyy khronograf, pp. 56–68.

Vasil'ev A. (2012) *Memory studies: edinstvo paradigmy — mnogoobrazie ob'ektov* [Memory Studies: the Unity of Paradigms — the Diversity of Projects]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no 117, pp. 461–480.

Yarskaya-Smirnova E. (1997) Narrativnyy analiz v sotsiologii [Narrative Analysis in Sociology]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, no 3, pp. 38–61.